

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ

Изучение пространственно-временной организации художественного произведения имплицитно входит во многие литературоведческие изыскания, в которых рассматриваются вопросы сюжетики и анализируется вещественный мир писателя. Однако в большинстве исследований эти категории упоминаются лишь вскользь, как компоненты общей картины мира писателя. При этом пространство и время проанализировано более детально в таких произведениях Гоголя, как комедия «Ревизор», цикл «Петербургские повести», поэма «Мертвые души».

Фундаментальной работой, специально посвящённой интересующей нас теме, является статья Ю. М. Лотмана «Художественное пространство в прозе Гоголя» (1968). Без ссылок на эту статью не обходится ни одно исследование художественного пространства и/или художественного времени в творчестве писателя. В указанной работе Ю. М. Лотман рассматривает два типа пространства в цикле «Вечера» – волшебный и обыденный миры – как оппозиционную пару, исчерпывающую весь круг возможных видов художественного пространства в гоголевском сборнике. При этом исследователь подчёркивает, что разделение этих двух типов пространств в первом сборнике писателя получает весьма глубокое художественное обоснование. Он указывает на высокую отмеченность границ художественного пространства у Гоголя, устанавливает характер заполнения бытового и волшебного пространства и зависимость фантастических и бытовых сцен от «закрытости» и «открытости» пространства. Особого внимания заслуживают наблюдения Ю. М. Лотмана над особенностями изображения художественного пространства в зависимости от «точки зрения» наблюдателя. В указанной работе также детально анализируется структура пространства в «Старосветских помещиках», «Повести о том, как поссорился...», «Вие», в «Петербургских повестях» и поэме «Мертвые души». В статье Ю. М. Лотмана отражены основные принципы пространственного построения произведений Гоголя, подчёркнута роль того или иного типа пространства в сюжете отдельно взятой повести или целого цикла¹. Именно Ю. М. Лотман расставил ключевые акценты в изучении проблемы художественного времени и художественного пространства в прозе писателя.

Большой вклад в исследование категорий художественного времени и художественного пространства внёс М. М. Бахтин. Он указал на наличие «циклического бытового времени», а также рассматривал гоголевскую повесть «Старосветские помещики» как образец идиллического хронотопа. Кроме того, М. М. Бахтин подчеркнул карнавальный характер особого гоголевского ощущения «дороги», а также значимость хронотопа дороги в «Мертвых душах» Гоголя².

Художественное пространство в творчестве Гоголя наиболее полно исследовано на материале поэмы «Мертвые души». Ю. В. Манн одним из первых об-

ратил внимание на двойственный характер образа дороги в указанном произведении. В начале поэмы это конкретный образ – дорога персонажа (Чичикова), а в конце – образ метафорический, иносказательный – дорога целого государства, России. Пространственная картина мира в «Мертвых душах» Гоголя, в частности, хронотоп дороги, привлекала внимание исследователей довольно часто. Об этом писали Н. С. Болкунова, А. Ю. Большакова, М. Я. Вайскопф, Н. А. Горских, С. Г. Григоренко, М. А. Ерёмин, И. А. Есаулов, Ю. Н. Ковалёва, А. Г. Ковальчук, В. О. Коркишко, О. А. Корниенко, В. Ш. Кривонос, Ю. М. Лотман, И. П. Мегела, И. И. Меркулова, Д. Н. Мурин, Г. Н. Поспелов, В. Н. Топоров, Е. В. Треногина и др.

Анализируя пространственные образы в творчестве Гоголя, исследователи (Д. С. Бурого, О. А. Корниенко, М. Кофтан, В. А. Кошелёв, В. Ш. Кривонос, В. В. Маркова, И. П. Мегела, В. Г. Щукин и др.) часто обращаются к образу города в гоголевских произведениях. Например, О. А. Корниенко рассматривает цветовую гамму, мотивы сырости и тумана, связанные с северной столицей. Исследовательница приходит к выводу, что лейтмотивом образа Петербурга в творчестве Гоголя является всё-таки «мотив блеска», который, «вместе с образами шума, грома, теней, вырастающих до громадных размеров», придаёт гоголевскому Петербургу «несколько фантастический, ирреальный, чуть ли не дьявольский характер»³.

По мнению И. И. Московкиной, образ города в «Петербургских повестях» Гоголя также является олицетворением дьявольских сил. Созданию такого впечатления способствуют «не только и не столько отдельные персонажи, сколько город в целом». Исследовательница справедливо утверждает, что названия всего цикла и первого произведения («Невский проспект») призваны подчеркнуть не столько место действия, сколько особую, центральную роль образа города во всех последующих повестях⁴.

Следует также отметить тенденции сравнительного изучения категорий пространства и времени в разных произведениях Гоголя. Например, Д. Н. Мурин сравнивает время в комедии «Ревизор» и в поэме «Мертвые души» и приходит к выводу, что герои указанных произведений пребывают в трёх разных хронотопах: провинциальном городе, деревне-поместье и Петербурге. Категория пространства у Гоголя, по справедливому уточнению исследователя, антиномична: оно одновременно и беспредельно, и замкнуто; и подобно пульсару – то сжимается, то расширяется. Он считает, что время в комедии «Ревизор» и в поэме «Мертвые души» является авантюрным и историческим одновременно. Мы полагаем, что временная структура указанных произведений не ограничивается только этими типами художественного времени, но представляет собой сложную комбинацию времени социально-исторического, хроникально-бытового, авантюрного (приключенческого), биографического, кризисного и т. д.

Исследователи неоднократно обращали внимание на художественные функции мотива пути в текстах писателя. Например, по мнению Н. О. Осиповой, мифологема пути в художественном пространстве петербургских повестей Гоголя выполняет функции «скрепы», которая объединяет про-

изведения в единый цикл. Литературовед полагает, что «пространство гоголевских произведений – это почти всегда пространство лабиринта»⁵.

Поэтике «нулевого и пустого места» у Гоголя посвящена работа А. Хансен-Лёве⁶. С точки зрения австрийского учёного, нос в одноименной гоголевской повести воплощает формулу пустого и нулевого места. Более спорными являются мысли А. Хансен-Лёве о «нулевом» дискурсе в женских образах Гоголя. Так, «хорошенький овал лица» губернаторской дочери в поэме «Мертвые души», с точки зрения исследователя, «округлостью» линий представляет «позитивное нулевое отсутствие» и т. п. А. Хансен-Лёве уделяет слишком много внимания анализу нулевых графем слов с «пустой “о”» как отражающих идею «пустого места». В результате автор указанной работы приходит к сомнительному выводу о том, что у Гоголя просматривается тенденция к саморазрушению искусства.

Современных исследователей привлекают различные аспекты изучения пространственно-временных взаимосвязей в произведениях писателя. Например, В. Г. Щукин рассматривает «ультраромантическую» и «гротескную» символику локуса окна в повестях Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и «Портрет». Н. А. Колосова исследует проблему сросшегося двоимирия в «Петербургских повестях». Особенности таких пространственных ориентиров, как путь и граница в повести Гоголя «Портрет» анализирует В. Ш. Кривонос. Образ степи в повести Гоголя «Тарас Бульба» привлекал внимание Б. И. Николаева, В. В. Тихонова, С. В. Ушакова.

В современном гоголеведении наблюдается обострённый интерес к проблеме мифологического пространства в творчестве Гоголя. Об этом свидетельствуют работы А. С. Киченко, О. В. Федуловой, А. Х. Гольденберга, В. Ш. Кривоноса, Н. И. Ищук-Фадеевой.

На уровне макроструктуры повести Гоголя «Сорочинская ярмарка» К. Аймермахер рассматривает оппозицию «Петербург/Украина», а также связанное с ней противопоставление «цивилизация/природа» и разделение структуры повести на два мира – «ночной мир» – «мир чёрта» и «день». «Скрытую перевёрнутость» и двойственность мира «Сорочинской ярмарки» исследователь считает основным приёмом в изображении местечка Сорочинцы и происходящих там событий⁷. При этом К. Аймермахер замечает в художественном мире повести только обманчивый, двойственный мир, царство нечистой силы, забывая о карнавальном начале и изображении светлой и радостной стороны действительности в гоголевском произведении. Художественное время в повести «Сорочинская ярмарка» стало объектом исследования в статье В. О. Сидоренко «Художественное время в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка»⁸. Автор данной работы рассматривает концепт «ярмарка» как объединяющий понятия «время», «место», «путь», «дорога», с чем нельзя не согласиться. Однако не все утверждения исследовательницы представляются нам бесспорными. Например, требуют уточнения подсчёты фабульного времени в повести, сделанные В. О. Сидоренко. По её мнению, фабульное время в «Сорочинской ярмарке» равно одним суткам, а по нашим подсчётам – трём.

Как уже отмечалось, к анализу пространства в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» обращался А. С. Киченко. В статье «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: мифопоэтическая организация пространства»⁹ исследователь рассматривает Диканьку и Петербург как два противоположных мира-мифа, равно удалённые от действительности. Он также высказывает предположение, что Диканька и Петербург пребывают не только в различных географических, но и в различных исторических широтах: «Диканька – «абсолютное прошлое мира» <...>, его эпическое время; Петербург – его абсолютная современность (историческое настоящее)»¹⁰.

Художественное пространство в повести Гоголя «Страшная месть» рассматривалось в статьях Н. А. Бондарь, Т. Бузины, В. А. Зарецкого, А. И. Иваницкого, К. Г. Кацадзе, Н. А. Ковалёвой и В. Н. Гусакова, Ю. М. Лотмана, Ю. Руднева, В. Л. Скуратовского. В частности, Н. А. Ковалёва и В. Н. Гусаков интерпретируют пространство в гоголевской повести как мифологическое¹¹. В работе Ю. Руднева художественное пространство в повести разделяется на легендарное, географическое и «пространство, соответствующее основному времени повествования». Исследователь считает, что наиболее важным структурным элементом, организующим всё пространство в «Страшной мести», является противопоставление «своя земля/чужая земля» («этот свет/тот свет»). Некоторые выводы и наблюдения Ю. Руднева представляются довольно спорными. Так, литературовед уделяет слишком много внимания значению дубовой мебели в светлице пана Данилы, дубу у замка колдуна, дубовому челну, в котором Бурульбаш и его жена возвращались со свадьбы сына есаула. При этом автор статьи отождествляет дуб со смертью и, таким образом, приходит к выводу, что «Данило и Катерина уже с самого начала как бы заочно приговорены к смерти»¹². С точки зрения Ю. Руднева, непреодолимое желание колдуна «Взять всю землю от Киева до Галича с людьми, со всем и затопить её в Чёрном море» объясняется тем, что «Чёрное море, куда впадает река-граница, само по себе нейтрально по отношению к тем двум мирам, в фатальном плену которых находится колдун и не может вырваться»¹³.

Большой вклад в разработку проблемы художественного времени и пространства в интересующих нас циклах Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» внесли авторы диссертационных исследований, в частности И. Ф. Заманова¹⁴, О. С. Карандашова¹⁵, И. И. Меркулова¹⁶, О. С. Коркишко¹⁷.

И. Ф. Заманова в диссертации «Пространство и время в художественном мире сборника Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»¹⁸ рассматривает циклообразующие факторы «Вечеров», сюжетообразующую роль пространства и времени, художественный образ природы, хронотоп праздника, границы между мирами, а также пространственные и временные оппозиции, лежащие в основе двоемирия гоголевского цикла.

О. С. Карандашова в диссертации «Художественное пространство «украинских» сборников Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»), а также в ряде статей^{19 20 21 22 23} рассматривает художественное пространство циклов Гоголя как некое художественное единство. Исследовательница

утверждает, что категория пространства имела первостепенное значение для Гоголя, который мыслил и воспринимал мир прежде всего в пространственных образах. О. С. Карандашова выделяет такие типы художественного пространства в цикле «Вечера», как пространство природы и человеческое пространство (пространство «социума»), внешнее и внутреннее пространство, реальное и фантастическое. Реальное и фантастическое пространства исследовательница считает одинаково подвижными, безграничными, способными расширяться до бесконечности. По её мнению, они находятся в сложном взаимодействии и «могут не только встречаться, пересекаясь, но могут извиваться, перепутываться самым причудливым образом»²⁴.

В связи с пространственной оппозицией «замкнутый/разомкнутый» О. С. Карандашова затрагивает вопрос о соотношении героев и пространства. Исследовательница удачно, на наш взгляд, разделяет героев по их принадлежности к определённому пространству на четыре типа: 1) герои реального пространства (Оксана, Чуб, Данила, Каленик и т. д.); 2) герои фантастического пространства (Басаврюк, колдун, черти, ведьмы, русалки, панночка из «Майской ночи»); 3) герои, которые принадлежат одному из пространств, но при этом имеют способность перемещаться в другое (Левко, Петрусь, дед из «Заколдованного места» и «Пропавшей грамоты»); 4) герои, которые не только принадлежат одному из пространств, но в то же время связаны с другим пространством, то есть, одновременно существуют в разных измерениях (Солоха, Пацюк)²⁵.

Противопоставление «конечного» и «бесконечного» расценивается в указанной работе как центральная оппозиция художественного мира «Вечеров», а противоположение «внешний/внутренний» – как основная оппозиция «Миргорода». Так, с точки зрения О. С. Карандашовой, в повести «Старосветские помещики» мир делится на внутренний («свой») и внешний («чужой»), в «Тарасе Бульбе» – на мир казаков, мир Запорожской Сечи («свой») и остальной мир («чужой»), в «Вие» – на реальный и фантастический «внешний» мир и слабый «внутренний» нравственный мир героя. В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» О. С. Карандашова выделяет пространство героев (серое, убогое, скучное, замкнутое) и пространство автора (универсальное, идеальное).

Анализируя пространственное единство «Миргорода», исследовательница использует статьи по географии и истории, вошедшие в сборник «Арабески». О. С. Карандашова приходит к выводу, что весь цикл «Миргород» представляет собой историю разрушения человека, историю падения человечества, что на пространственном уровне отчётливо проявляется в проникновении и постепенном поглощении внутреннего пространства внешним. С такой трактовкой, на наш взгляд, трудно согласиться, учитывая, в частности, идиллический характер повести «Старосветские помещики» и утверждающий пафос повести «Тарас Бульба». О. С. Карандашова выделяет такие типы художественного пространства в цикле «Миргород», как реальное (синтез исторического и бытового); фантастическое; собственное пространство героев; авторское пространство. В

целом анализируемая работа явилась шагом вперёд в изучении пространства и времени в раннем творчестве Гоголя.

В. О. Коркишко в диссертации «Хронотоп дороги в творчестве Н. В. Гоголя: семантика и художественные функции»²⁶ исследовала пространственно-временные координаты дороги и способы их метафоризации в циклах Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести», в поэме «Мертвые души», в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди»²⁷. В частности, В. О. Коркишко рассматривает специфику изображения порогового пространства, функции хронотопа дороги в произведениях Гоголя, особенности хронотопа Невского проспекта в «петербургском тексте» писателя, хронотоп дороги как композиционный стержень поэмы «Мертвые души». В. О. Коркишко исследует также феномен дороги как элемент мировоззрения писателя, его духовного пути. При этом архетип дороги в жизни и творчестве Гоголя изучен на материале не только произведений писателя, но и его эпистолярного наследия²⁸. К достоинствам рассматриваемой работы следует отнести удачный анализ функций и роли хронотопа дороги в произведениях писателя.

В последние десятилетия появился ряд интересных исследований о художественном времени и художественном пространстве в творчестве Н. В. Гоголя, в которых предлагаются различные подходы к постижению этого сложного литературоведческого явления. Из всего массива научных изысканий, предметом изучения в которых стали категории художественного времени и/или пространства в произведениях писателя, наибольшее количество работ посвящено хронотопу дороги/пути, историческому времени, фантастическому пространству, образу города. Из произведений Гоголя хронотопическому анализу чаще всего подвергались поэма «Мертвые души», цикл «Петербургские повести», комедия «Ревизор».

Одним из наименее изученных аспектов рассматриваемой проблематики остаётся пространственно-временная структура гоголевских циклов «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». На материале первых сборников писателя исследователями частично рассматривались фантастическое пространство и оппозиция «Диканька/Петербург», «своё/чужое» пространство в «Вечерах», героический хронотоп в повести «Тарас Бульба» и специфика организации пространства в повести «Вий».

Несмотря на то, что некоторые аспекты художественного пространства и художественного времени частично освещались в диссертациях И. Ф. Замановой, О. С. Карандашовой, В. О. Коркишко, И. И. Меркуловой, многие компоненты пространственно-временной картины мира в ранней прозе Гоголя до сих пор не привлекали внимание исследователей.

Таким образом, проблема изучения художественного времени и пространства в гоголевских циклах «Вечера» и «Миргород» не является научно исчерпанной, требует дальнейшего исследования, а отдельные, связанные с ней положения, нуждаются в пересмотре, дополнениях и уточнениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

-
- ¹ Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Юрий Михайлович Лотман // О русской литературе : Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. – СПб. : «Искусство-СПБ», 1997. – С. 621–658.
- ² Белинский В. Г. О русских классиках / Виссарион Григорьевич Белинский. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 396, 376, 393.
- ³ Корниенко О. А. Парадигма города в произведениях Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского / О. А. Корниенко // Гоголь и современность (к 185-летию со дня рождения) : Материалы научной конференции. – К. : Русь, 1994. – С. 70–71.
- ⁴ Московкина И. И. Образ города в «Петербургских повестях» Гоголя и новеллистике Л. Андреева / И. И. Московкина // Гоголь и современность (к 185-летию со дня рождения) : Материалы научной конференции. – К. : Русь, 1994. – С. 102.
- ⁵ Осипова Н. О. Мифологема пути в художественном пространстве петербургских повестей Гоголя / Н. О. Осипова // Н. В. Гоголь и народная культура. Седьмые Гоголевские чтения : Материалы и сообщения международной конференции, Москва, 30 марта – 4 апреля 2007 года. – М. : ЧеРо, 2008. – 416 с. – С. 224.
- ⁶ Hansen-Löve A. “G0g0l”. Zur Poetik der Null and Leerstelle // Wiener Slawistischer Almanach. Band 39. – München, 1997. – S. 183–303.
- ⁷ Eimermacher, K. Zeichenbildung und Zeichentransformation in N. Gogol's «Soročinskaja jarmarka» / K. Eimermacher // Literatursemiotik. Bd. 2. – Tübingen, – 1980. – S. 199.
- ⁸ Сидоренко В. О. Художественное время в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» / В. О. Сидоренко // Філологічні науки. Серія літературознавство. – Луцьк, 2008. – Вип. 14. – С. 40–43.
- ⁹ Киченко А. С. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя : мифопоэтическая организация пространства / А. С. Киченко // Нові гоголезнавчі студії. – Сімферополь : Кримський Архів, 2005. – Вип. 2 (13). – С. 55–64.
- ¹⁰ Там же. С. 63.
- ¹¹ Ковалёва Н. А. Структура художественного пространства в повести Н. В. Гоголя «Страшная месьть» / Н. А. Ковалёва, В. Н. Гусаков // Вісник Донбаської національної академії будівництва і архітектури. Проблеми соціо-гуманітарних наук. – Випуск 2009–3 (77). – С. 27–31.
- ¹² Руднев Ю. Художественное пространство «Страшной мести» / Юрий Руднев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.zhelyty-dom.narod.ru/literature/txt/str_mest_jr.htm.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Заманова И. Ф. Пространство и время в художественном мире сборника Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ирада Фуадовна Заманова. – Орёл, 2000. – 186 с.
- ¹⁵ Карандашова О. С. Художественное пространство «украинских» сборников Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»): автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / О. С. Карандашова. – Тверь, 2000. – 20 с.
- ¹⁶ Меркулова Ирина Ивановна. Хронотоп дороги в русской прозе 1830–1840-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ирина Ивановна Меркулова. – Самара, 2007. – 221 с.
- ¹⁷ Коркішко В. О. Хронотоп дороги у творчості М. В. Гоголя : семантика та художні функції : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.02 «Російська література» / В. О. Коркішко. – Сімферополь, 2011. – 20 с.
- ¹⁸ Заманова И. Ф. Указ. соч.
- ¹⁹ Карандашова О. С. Пространственная оппозиция «внутренний/внешний» в художественном мире «Миргорода» Н. В. Гоголя / О. С. Карандашова // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. – Тверь, 1997. – С. 148–149.
- ²⁰ Карандашова О. С. Универсальное и бытовое пространство в гоголевской «Повести о том, как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» / О. С. Карандашова // Историко-литературный сборник. – Тверь, 2002. – Вып. 2. – С. 47–51.
- ²¹ Карандашова О. С. Художественное пространство «украинских» сборников Н. В. Гоголя ...
- ²² Карандашова О. С. Художественное пространство в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя / О. С. Карандашова // Историко-литературный сборник. – Тверь, 1999. – С. 54–62.

²³ Карандашова О. С. Художественное пространство героев и автора в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович и Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя / О. С. Карандашова // Эйхенбаумовские чтения 6 : материалы юбилейной научной конференции. – Воронеж, 2007. – Вып. 6. – С. 39–44.

²⁴ Карандашова О. С. Художественное пространство «украинских» сборников Н. В. Гоголя ...

²⁵ Там же.

²⁶ Коркішко В. О. Указ. соч.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

Аннотация

В статье анализируются основные направления изучения категорий художественного времени, художественного пространства и хронотопа в современном гоголеведении. В частности, выделяются наименее изученные аспекты и, наоборот, проблемы, которые чаще всего привлекали внимание исследователей.

Summary

The article dwells on the main trends in the studying of the categories “time”, “space”, “chronotope” in modern Gogol studies. In particular, there have been outlined the least researched aspects of the subject at hand, and, vice versa, the problems, that have attracted scientists’ attention most often.